

УДК: 821.161.1

ИТАЛИЯ В ВОСПРИЯТИИ
РУССКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА

Годованная Алла Павловна,

*журналист, экскурсовод,
(РФ, г. Черноголовка),
тел.: +7 496 554-96-77*

В статье анализируются произведения русских писателей и поэтов начала XX века, посвященные Италии. Рим, Венеция, Флоренция и др. произвели на деятелей культуры Серебряного века неизгладимое впечатление, что и отразилось в их лирике, прозе, воспоминаниях, дневниках и письмах.

Ключевые слова: *Италия, Н. Бердяев, А. С. Пушкин, А. Герцык, М. Волошин, А. Блок, Римский дневник, Римские сонеты, Данте, Неаполь, А. Ахматова, Н. Гумилев, акмеизм, О. Мандельштам, Саша Черный, П. П. Муратов, Б. Зайцев, гармония природы.*

В историю мировой культуры прошлое столетие вошло как одна из самых сложных эпох. Но в то же время в начале двадцатого века многие начали воспринимать культуру как единственную силу, способную решать проблемы, с которыми столкнулось человечество. Так представители Серебряного века в это время обратились к мировой культуре и прежде всего к значительному культурному наследию Италии, особенно к эпохе Возрождения.

Италия была первой из стран, в которой сложились новые общественно-экономические отношения и новая художественная культура. Она стала первой классической страной Возрождения. Этому способствовало и обращение итальянских философов, художников и архитекторов к великому наследию. Земля Италии была насыщена остатками античности. Много веков назад здесь был центр могучей Римской империи, в которой господствовала античная культура с ее великими достижениями.

Первые признаки Возрождения наметились еще в XIII и XIV веках. Окончательно установилось оно в XV веке. Возрождение проявилось и в литературе. Широкое распространение получают в эпоху Ренессанса философская проза и публицистика. Эта эпоха стала временем появления национальных литератур. В средние века литература создавалась, как правило, на латыни.

Интерес к наследию Италии обусловлен идейно-художественными исканиями новой эпохи в России в начале XX столетия. Благодаря переводам на русский язык итальянских авторов их труды получают вторую жизнь. А перенесение в русскую литературу и искусство ренессансных тем и образов – это отражение итальянского Возрождения – творческий подъем, о котором писал философ Н. Бердяев: «Сейчас с трудом представляют себе атмосферу того времени. Многие из творческого подъема того времени вошло в дальнейшее развитие русской культуры и сейчас есть достояние всех русских культурных людей. Но тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов... Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания.» [4, с. 129].

Еще Александр Сергеевич Пушкин мечтал увидеть «земли полу-денной волшебные края» – строки, пришедшие к нему, когда поэт плыл через Керченский залив в 1825 году (впоследствии вошедшие в стихотворение «Погасло дневное светило...»). Об Италии, как мечте, он вспоминает и в романе «Евгений Онегин»:

*Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле...*

[16, т. 5, с. 36]

И в отдельных стихотворениях:

*Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений...*

[16, т. 3, с. 46]

Но не пришлось ему побывать в Италии, как и в других странах, хотя было у него пристрастие к путешествиям.

И вот в начале XX века в Италию устремились русские деятели культуры и науки, чтобы увидеть и познать страну творчества и красоты и выстоять в трудное время, занимаясь творчеством. Большую роль

сыграла книга Джона Рескина «Прогулки по Флоренции», переведенная и изданная в России неоднократно. Одной из переводчиц ее была Аделаида Герцык (1902). Италия привлекала своим культурным наследием и манила красотой. Прежде всего, это были поэты.

В 1900 году, студентом, впервые побывал в Италии М. Волошин. Он со своими товарищами спустился в ее долины с альпийских перевалов, через Тирольские Альпы. Он описал то чувство, с каким отправлялся на встречу с Италией:

*«В Италию!» – громко звенело в ушах,
«В Италию!» – птицы мне пели,
«В Италию!» – тихо шуршали кругом
Мохнатые старые ели...*

[8, с. 520]

Путешественники по очереди вели дневник, по которому можно проследить их маршрут: озеро Комо, Милан, Генуя, Пиза, Флоренция, Рим, Неаполь. После этого путешествия поэт окончательно принимает решение оставить юридический факультет и посвятить свою жизнь искусству.

Александр Блок пишет цикл Итальянских стихов в 1909 году во время своего майского путешествия с женой по Италии. Судя по географии стихов, его более всего привлекли города и природа Умбрии и Тосканы.

*Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...*

[7, т. 1, с. 322]

«Итальянские стихи меня как бы вторично прославили», – пишет он родным. Стихи «Равенна», «Девушка из Сполето», «Венеция», «Перуджия», «Флоренция», «Фьезоле», «Сиена» и другие составляют блоковский цикл «Итальянских стихов». На страницах двадцать пятой и двадцать шестой Книжек в «Записных книжках» [6, с. 132–148] Блока подробно описано содержание залов итальянской живописи при посещении музеев в этих городах. 21 июня Блоки покидают последний итальянский город на их пути, Милан, и через Германию отправляются на родину. Читая его стихи и дневники создается впечатление, что Блок грустит по невозвратному расцвету позднего Средневековья и раннего

Возрождения Италии. Из художников он особенно выделил Филиппо Липпи, записав эпитафию о нем придворного поэта и друга Лоренцо Медичи Анжело Полициано (1454–1494) с могильной плиты в Сполетском соборе.

Флоренция и Ф. Липпи очаровали и Николая Бердяева, когда в 1912 году он из Рима приехал туда на несколько дней с Евгенией Герцук. В главе «Бердяев» в своих поздних воспоминаниях она пишет: «Флоренция мне – ключ к нему. Он – к Флоренции...» и далее «...влечет меня прочь от Уфицци узкими улочками, где едва ли разминуться с медленно пробирающимся трамваем, в церковь, в Бадию; не давая мне окинуть ее взглядом, к одной только филлипиниевской фреске «Явление Богоматери св. Бернарду» [9, с. 160]. Сама то Е. К. предпочитала Рим. «Рим – покой завершенности. Создался то он жестокой волей Империи, корыстью и грехами пап, замешан на крови и зле, но время что ли покрыла все золото-гусклой патиной...» [9, с. 161].

Свое восприятие Италии Бердяев воплотил в работе «Чувство Италии», которая была опубликована в Биржевых ведомостях 2 июля 1915 года: «Италия была мечтой. Италия для нас была образом красоты и радости жизни... Путешествие в Италию для многих – настоящее паломничество к святыням воплощенной красоты, к божественной радости. Трудно выразить то душевное волнение, сладостное до болезненности, которое охватывает душу от одного названия иных итальянских городов и итальянских художников... Италия – вечный элемент духа, вечное царство человеческого творчества» [5].

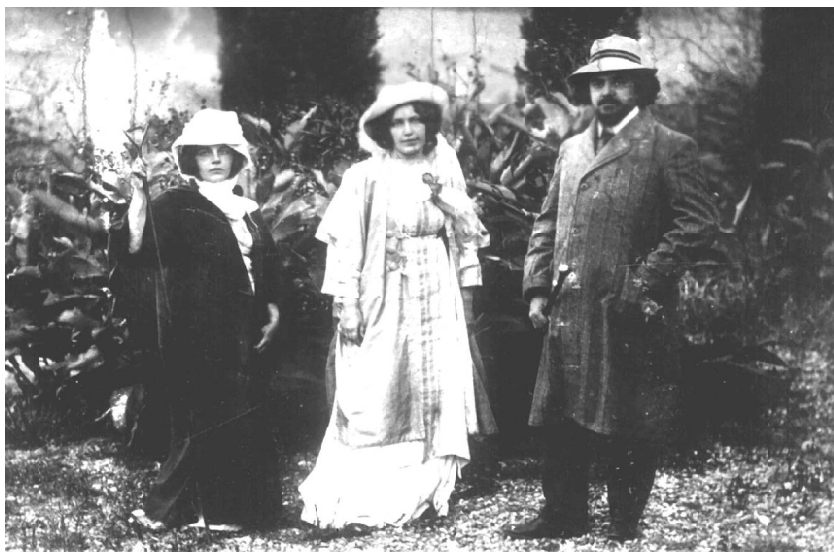
Николай Бердяев пишет о своем опасении за судьбу городов и памятников искусства Италии: «На Италию нельзя смотреть как на одну из стран, подобно другим странам Европы. От одной мысли о возможности варварского разрушения городов Италии и ее памятников искусства сжимается сердце» [5]. Он возвышенно пишет о том, чем является солнечная страна юга, Италия, для России: «Нигде русский не чувствует себя так хорошо, как в Италии. Только в Италии не чувствует он давления и гнета враждебной мещанской цивилизации Западной Европы, не чувствует на себе самодовольного презрения людей, лучше устроившихся и навязывающих свои нормы жизни, – презрения, столь отравляющего нам жизнь в других странах Европы... В итальянском характере нет свойств, вытесняющих нас русских, какие есть в характере германском... Вспомним, как любил Италию Гоголь, как стремился к ней, какую ей воздал хвалу... Италия обладает таинственной и магической силой возрождать душу, снимать тяжесть с безрадостной жизни» [5].

Евгения Герцык в своих воспоминаниях дает образ и другого ценителя Италии, Вячеслава Иванова, чья жизнь нерасторжима с этой страной. В Риме он прожил несколько счастливых лет в молодости, встретил свою любовь, а с 1924 года, выехав из советской России, приняв через два года католичество, провел последние 25 лет жизни, там и похоронен на кладбище Тостаччо. Приехав в Италию из разрухи в своей стране, Иванов вскоре пишет «Римские сонеты», наполненные восхищением и благодарностью судьбе, приведшей его в Рим:

*Вновь, арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним «Ave Roma»
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим*

[12, кн. 2, с. 140].

Это начало сонетного цикла 1924 года из 9 стихотворений. А далее идет описание и других римских реалий: его фонтанов, «домов оранжевый загар», «и шорох пальм», «и синий свод», и выражение своего душевного состояния:



Н. А. Бердяев, Л. Ю. Бердяева, Е. К. Герцык

*И светел дух печалью беспечальной,
Весь полнота, какой названья нет*

[12, кн. 2, с. 144].

Он получил работу переводческую от католических учебных заведений и издательств и преподавательскую в университете на севере Италии, в Павии, не бедствовал. Тем не менее, катаклизмы века не миновали семью. Вячеславу Иванову с детьми пришлось пережить годы правления Муссолини, войну, бомбежки. И в 1944 году, наблюдая свершающееся, он пишет еще один цикл «Римский дневник». И форма, и настроение «Дневника» совсем иное, чем в «Римских сонетах», написанных двадцатью годами раньше. Стихи разбиты на 12 месяцев года, видимо они и соответствуют времени написания. Одно из июньских стихотворений называется «Немцы ушли», но вот следующее снова не радуется

*Вечный город! Снова танки,
Хоть и дружеские ныне,
У дверей твоей святыни,
И на стогах древних янки
Пьянствуют, и полнит рынки
Клект гортанный мусульмана,
И шотландские волынки...*

[12, кн. 2, с. 178].

И сетует в июле:

*Разрушил в бегстве Гот злорадный
Нам акведуки, выпил свет...*

[12, кн. 2, с. 181].

Римский дневник – это летопись, но сюжетная канва его – путешествие мысли и духа и написан он в Риме.

*Цель искусства –
Без покрова, без оков
Показать кто ты таков...*

[12, кн. 2, с. 156].

В тот год, когда писался «Римский дневник» умерла в Курской области та, которая, может быть, лучше других понимала сущность поэта,

написала о нем, появившемся в Петербурге среди пишущей братии из-за границы в 1905 году. Недолгое, но значительное время, после смерти жены (1907–1910) была она для него душевно близким другом. Позже она писала: «Вяч. Иванович нередко говорил мне, что я понимаю его с полуслова и до глубины, не мыслью, а инстинктом», – говорил это с умиленной благодарностью, а то и с гневом, потому что находил во мне только зеркальность, только двойника своего, а не ту другую силу, родную, но перечашую, о которую выпрямилась бы прихотливо разбигающиеся волны его мысли. Я же теряла себя в нем» [9, с. 119]. Весной 1913 года, в трудный для Иванова момент Е. К. приехала в Рим, куда он позвал ее, и помогла разрешить его сложную семейную проблему: в Ливорно его обвенчали с падчерицей, дочерью умершей жены, а во Флоренции крестили их сына Дмитрия. Российская синодальная церковь этого не допустила бы.

Позже в своей книге «Самопознание», вышедшей посмертно, Николай Бердяев вспоминал Евгению Казимировну: «Для меня имела значение дружба с Евгенией Казимировной Герцык, которую я считаю одной из самых замечательных женщин начала XX века, утонченно – культурной, проникнутой веяниями ренессансной эпохи... Русский ренессанс, по существу романтический, отразился в одаренной женской душе» [4, с. 153].

В предреволюционной России университеты для женщин были закрыты. Они получали образование на Высших женских курсах в Москве или Петербурге. Курсистки всегда были благодарной аудиторией. Образованные женщины могли преподавать, руководить философскими или литературными кружками, в творческой среде создавали благоприятную атмосферу. Связь Евгении Герцык, кончившей Курсы Герье, с ведущими мыслителями своего времени доказывает высокий уровень образования. У нее также есть эссе «Мой Рим», где она в небольших беллетризованных очерках описывает свои посещения вечного города.

Образы Италии отражены также в стихотворениях Н. Гумилева, Д. Мережковского, З. Гиппиус, В. Брюсова, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, А. Блока, И. Бунина, Саши Черного и других поэтов и писателей, прославивших Серебряный век в России. Для многих из них были характерны темы Рима, Данте, его судьбы и творчества. У Н. Гумилева итальянские мотивы прослеживаются во многих стихах, несколько стихотворений напрямую описывают места, которые он посещал («Рим», «Вилла Боргезе», «Неаполь»). А в крымских стихах Осипа Мандельштама, дважды побывавшего в Италии (1908 и 1910) часто можно про-

следить итальянские реминисценции. Например: «С веселым ржанием пасутся табуны / И римской ржавчиной окрасились долины. / Сухое золото классической весны / Уносит времени прозрачная стремнина». Или позднее, в последний приезд в Крым, написанное стихотворение «Ариост» и литературоведческий труд «Разговор о Данте» (Старый Крым, Коктебель, 1933). В январе 1937 года, отлученный от родного города, поэт сравнивает себя с Данте (Слышу, слышу ранний лед...». Весь просвещенный мир в этом году отмечает 750-летие Данте – великого поэта, богослова, политического деятеля, одного из основоположников литературного итальянского языка. В интервью, опубликованном в Литературной российской газете в мае этого года, занявшем целую газетную полосу, профессор литературы Неаполитанского исследовательского университета, вице-президент Дома Данте в Риме, специалист-исследователь «Божественной комедии» синьор Малато сказал: «Мандельштам – уникальный поэт. Я хорошо знаю его стихи, в частности эту работу. (Разговор о Данте – А. Г.) У него прекрасный по глубине анализа текст» [13]. Профессор имел ввиду «Разговор о Данте» Мандельштама.

Анна Ахматова ценила высоко литературу и искусство Италии. Она писала: «Впечатление от Итальянской живописи и архитектуры было огромно; оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь» [2, с. 267]. Свое впечатление о посещении Венеции она выразила и в небольшом стихотворении, в котором словам тесно, а мыслям просторно.

*Золотая голубятня у воды
Ласковой и млеющее-зеленой;
Замечает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы
Сколько нежных, странных лиц в толпе,
В каждой лавке яркие игрушки,
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.
Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...*

Венеция, 1912 [1, с. 79]

Леонардо да Винчи сравнивал поэзию с живописью. Ахматова действительно словами нарисовала картину известной во всем мире площади с собором Святого Марка, с гербом города, на котором изображен лев – символ евангелиста Марка – покровителя Венеции. И пере-

дала это умиротворение, которое мы испытываем при виде красоты, осуществлении мечты. Образ Венеции в стихотворении Ахматовой и притягательный и узнаваемый и ощущаемый. Хочется провести параллель со стихотворной строчкой Байрона «Лев перестал страшить и малые державы...» [3, с. 144].

После знакомства с творчеством великого романтика XIX века, Байрона, воображение поэтов рисовало свой образ необычного города на воде: были и каналы, и гондольеры и другая экзотика, но то примечательно, что не всегда бывали в Венеции авторы, которые в своих произведениях описывали этот необычный, романтический, сказочно-прекрасный город. На рубеже XIX–XX веков в литературе появляется другой образ – образ Венеции, уходящей под воду. Мотив умирающего прекрасного города для поэтов Серебряного века стал доминирующим в их творчестве. Положение Венеции отвечало тревожному духу крушения старого мира и рождению еще не устоявшегося нового... – Мандельштам пишет мрачное стихотворение «Венецианской жизни мрачной и бесплодной...» (1920). Пессимистические образы появляются в период символизма и у других поэтов. В то время существовало множество литературных направлений с разными идеалами и целями. Решающим был отход акмеистов от символизма, желание обратиться к прекрасному земному миру... Великие поэты того времени, начиная в недрах модернистского течения, очень быстро вырастали из него, поражая талантом и многогранностью творчества. Так произошло с Блоком, Есениным, Гумилевым, Ахматовой, Цветаевой, Волошиным, Мандельштамом. В 1910 году символизм как художественное течение переживает кризис. Блок в 1912 году порывает с Вяч. Ивановым, считая символизм несуществующей школой. У Ахматовой и Гумилева переход к акмеизму совершился тоже в 1912 году после их совместного путешествия в Италию. Тогда же и написано ахматовское стихотворение «Венеция». А Гумилев произнес впервые слово «акмеизм» (от греческого *акме* – высшая степень чего-либо, расцвет, вершина)... Италия вошла в судьбу Анны Ахматовой, вдохновила ее творчество. В 1964 году, уже в конце жизни, Анне Андреевне Ахматовой в Италии была вручена Международная литературная премия «Этна-Таормина».

Много замечательных поэтических строк написали и другие русские поэты и писатели, восхищаясь Италией, которая дает удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение соприкосновения с мировым искусством и временем. Вот как передает это состояние Саша Черный в стихотворении «Из Флоренции» (1910):

*В старинном городе, чужом и странно близком,
Успокоение мечтой пленило ум.
Не думая о временном и низком,
По узким улицам плетешься наобум...
В картинных галереях – в вялом теле
Проснулись все мелодии чудес,
И у мадонн чужого Боттичелли,
Не веря, служишь столько тихих месс...
Перед Давидом Микеланджело так жутко
Следить, забыв века, в тревожной вере
За выраженьем сильного лица!*

[18].

С описания Венеции открывается книга «Образы Италии» Павла Павловича Муратова (1881–1950) – лучшего русского знатока Италии. Прозаик, историк, искусствовед, издатель, один из ярких представителей русского Серебряного века, Муратов являлся хранителем итальянской живописи в Московском публичном и Румянцевском музее, занимался переводами, писал пьесы и рассказы.

В 1908 году вместе со своим другом, писателем Борисом Зайцевым, он отправляется в Италию. Природа, творения итальянских зодчих, история страны, ее легенды, ее поэты, писатели, художники – все привлекает Муратова. «В русской литературе, – писал Зайцев в 1950 году, уже после смерти Павла Муратова, – нет ничего им («Образам Италии» – А. Г.) равного по артистичности переживания Италии, по познаниям и изяществу исполнения» [10, с. 404].

Книга Муратова, ставшая знаменитой после выхода ее в 1911-1912 годах, до сих пор пользуется огромным успехом и была многократно переиздана. Еще одна совместная поездка друзей в Италию состоялась в 1911 году.

В пристрастиях представителей русского серебряного века и русского зарубежья Италия занимала одно из важнейших мест. Венеция восемнадцатого века: «Можно не любить XVIII век вообще, но даже в этом случае трудно избежать очарования Венеции XVIII века. Там с удивительной чистотой и крепостью отстоялась художественная сущность того времени, эссенция той жизни, до сих пор не утратившая своего аромата. Венеция была тогда второй столицей Европы. Она делила с Парижем поровну всех знаменитостей сцены, искусства и любви, всех знатных путешественников, всех необыкновенных людей, всех

авантюристов, всех любопытных, всех тонких ценителей жизни и всех изобразителей» [15, с. 22].

Как верно заметил Муратов, что первое впечатление о Риме, со стороны железнодорожного вокзала разочаровывает приехавшего. Многие, в том числе и Н. Гоголь отмечали, что в Рим влюбляешься не сразу, что не поражает он так, как, например, Венеция или Флоренция. С Римом надо сначала познакомиться, познать его. И тогда влюбляешься в него постепенно. Но для этого нужно время. Муратов в своей книге пишет: «...хочется повторить здесь всем сердцем замечательные слова Гете: «Кто хорошо видел Италию, и особенно Рим, тот никогда больше не будет совсем несчастным» [15, с. 213]. «В этом счастье, – продолжает Павел Муратов, – которое дает испытывать Рим, есть что-то похожее на счастье быть молодым, – ждать с трепетом каждого нового дня, засыпать с улыбкой, думая о завтра, верить в неистраченное богатство жизни, быть расточительным в своей радости, потому что всюду вокруг бьют ее неиссякаемые источники. В начале жизни мир полон очарования, но разве не прав был Гете, воскликнувший в своей первой римской элегии: «О Рим, ты целый мир...» И эта молодость души в Риме не проходит даже так скоро, как обыкновенная молодость человеческой жизни. Открывшиеся здесь для нее ценности бесчисленны и вечно новы» [15, с. 213].

По Риму всегда приятно гулять: посещать любимые улицы, площади, парк виллы Боргезе, в котором уже в феврале расцветают первоцветы и радуют глаз вечнозеленые пинии. Около фонтана Треви всегда бывает многолюдно. Тут весело бросают в водоем монеты в надежде снова вернуться в Рим и ощутить радость, которую он щедро дарит всем. Муратов, рассказывая о фонтанах Рима, замечает, как они украшают город и создают приятную атмосферу. Писатель о многих городах повествует с вниманием и любовью и в каждом находит что-либо особенное, приятное. И большие города и малые представляют для него интерес, он чувствует их атмосферу и передает особую прелесть каждого. Около часа езды на автобусе до Съены, города уникального. Муратов особо выделяет его, не умаляя достоинство других: «Съена вызывает особенную симпатию, привязанность. Любовь, которую внушает Флоренция, сложнее, тоска по Венеции неотвязнее, чувство Рима так огромно, что оно способно вытеснить все другие чувства. Но ни один из этих городов не мил так сердцу, как мила Съена... Кажется, что все минутное сгорает здесь в красном огне, которым пылает Съена на осеннем закате» [15, с. 186].

Павел Муратов занимался не менее серьезно и древнерусским искусством. Благодаря его усилиям в России были открыты и исследованы многие первоклассные памятники древнерусского искусства в Киеве, Новгороде, Владимире, Суздале. Главным итогом его деятельности по изучению древнерусского искусства стал шестой том «Истории русского искусства» под редакцией И. Э. Грабаря, вышедший в 1913 году.

В Крыму он прожил около трех лет во время Первой мировой войны (с января 1915 до февраля 1918), когда был на военной службе в Севастополе. С большим трудом Муратов перебрался в Москву, где пришлось работать в разных редакциях, союзах, «Лавке писателей» и т.д.

В голодной послеоктябрьской Москве Б. Зайцев и П. Муратов вместе участвовали в работе гуманитарного общественного Института «Studio Italiano». В романе «Золотой узор», написанном уже в эмиграции, Зайцев в образе главного героя, русского эстета, влюбленного в Италию и тонко понимающего ее культуру, по мнению современников, вывел имя Муратова.

В 1922 году «Studio Italiano» был закрыт, а Б. К. Зайцев с семьей выехал в Берлин. Туда же прибыл в 1923 году с семьей и П. Муратов. Судьба подарила им еще одну совместную поездку в Италию. Осенью 1923 года П. Муратов, Б. Зайцев, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, М. Осоргин, и другие деятели русской культуры, оказавшиеся в эмиграции и живущие в разных странах зарубежья, съехались в Италию по приглашению Этторе Ло Гатто. Лекции состоялись в Риме в ноябре-декабре 1923 года в Институте Восточной Европы. Муратов, по воспоминаниям Зайцева, читал лекцию о древнерусских иконах несколько позже, чем остальные приглашенные. Остальные деятели науки и культуры читали лекции по своим темам.

Любовь Бориса Зайцева к Италии выразилась в его произведениях, итальянские мотивы войдут во многие его романы: «Дальний край», «Золотой узор», «Юность». В 1923–1924 годах в Берлине Зайцев и Муратов выпустили замечательные книги об Италии. У Муратова вышло новое издание «Образов Италии» в 3-х томах, а у Зайцева – книга «Италия». К последней Муратов написал рецензию: «У этого писателя есть очень редкая для русского писателя жажда гармонии, страсть единств. Итальянские единства, гармония итальянской природы, истории, жизни раз и навсегда пленили его» [14, с. 401–403]. В свою очередь и Зайцев отметил выход трехтомника «Образов», причем третий том, написанный позже и «завершающий всю эпопею», выходил впервые. По

словам Зайцева он «внутренне примыкает к первым двум. Лишь в заключительной его главе новый звук врывается в спокойное повествование» – известие о Первой мировой войне [11, с. 444].

В послесловии к современному изданию «Образов Италии» автор статьи В. М. Толмачев отмечает: «Италия не только стала темой Муратова, но и стержнем его мировидения. Параллельно с итальянскими штудиями у него обостряется интерес к иконописи. Вслед за кватроченто он открывает русский пятнадцатый век, активнейшее участие в организации первых выставок русской старины (в частности, выставки древнерусского искусства в Москве в 1913 году), становится одним из пионеров расчистки икон в Кремлевских соборах». Интерес писателей и мыслителей русского серебряного века к Италии отразился не только в поэзии, пережившей творческий взлет, но и в прозе того времени... «Но именно Павлу Павловичу Муратову, – как считает В. М. Толмачев, – автор послесловия книги – было суждено из множества заметок и частных впечатлений о культуре Италии создать ее целостный образ, что и было отмечено современниками [17, с. 564].

Список литературы

1. Ахматова А. Венеция / А. Ахматова // Ахматова А. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель. 1977.
2. Ахматова А. Коротко о себе / А. Ахматова // Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М. Худ. лит., 1990.
3. Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд Гарольда. – М.: Изд. дом «Азбука-классика», 2008.
4. Бердяев Н. Самопознание / Н. Бердяев. – М.: ДЭМ, 1990.
5. Бердяев Н. Чувство Италии / Н. Бердяев // Биржевые новости. – 2 июля – 1915.
6. Блок А. Записные книжки / А. Блок. – М.: Худ. лит., 1965.
7. Блок А. Сочинения: в 2 т. / А. Блок. – М.: Худ. лит., 1955.
8. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 2 / М. Волошин. – М.: Эллис Лак, 2004.
9. Герцык Е. Воспоминания / Е. Герцык. – М.: Москов. Раб., 1996.
10. Зайцев Б. К. Сочинения: в 11 т. Т.3. / Б. Зайцев. – М., 1999.
11. Зайцев Б. К. П. П. Муратов «Образы Италии» / Б. К. Зайцев // Современные записки. – 1924. – Т. XXI.
12. Иванов В. Стихотворения, поэмы, трагедия: в 2 кн. / В. Иванов. – СПб, 1995.
13. Малато Э. «Данте не позволяет себя убить, он попадает в рай...» / Э. Малато. – Литературная газета. – № 6509. – 20–25 мая 2015.

14. Муратов П. Б. Зайцев. Италия / П. Муратов // Современные записки. – 1923. – Т. XV.

15. Муратов П. П. Образы Италии / П. П. Муратов. – М.: Республика, 1994.

16. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Худ. лит., 1969.

17. Толмачев В. М. Образ красоты / В. М. Толмачев // Муратов П. П. Образы Италии. – М.: Республика, 1994.

18. Черный Саша Из Флоренции / Саша Черный // Черный Саша Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1960.

ITALY IN THE CREATIVE PERCEPTION OF RUSSIANS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Godovannaya Alla Pavlovna,

*journalist, guide,
(Russia, Chernogolovka)
tel.: +7 496 554-96-77*

The article analyzes dedicated to Italy works of Russian writers and poets of the early twentieth century. Rome, Venice, Florence and etc. made on the Silver Age cultural figures a lasting impression, which is reflected in their lyrics, prose, memoirs, diaries and letters.

Keywords: *Italy, N. Berdyaev, A. Pushkin, A. Gertsyk, M. Voloshin, A. Blok, Roman diary Roman sonnets, Dante, Naples, A. Akhmatova, N. Gumilev, Acmeism, O. Mandelstam, Sasha Cherny, P. P. Muratov, B. Zaitsev, the harmony of nature.*

References

1. Akhmatova A. Venice / A. Akhmatova // Akhmatova A. Poetry and poems. Leningrad: The Soviet writer. 1977.
2. Akhmatova A. About me / Anna Akhmatova // Works: in 2 vol. Vol. 2. Moscow. 1990.
3. Byron J. G. Childe Harold's Pilgrimage. Moscow: Publishing house «Azbukaclassics». 2008.
4. Berdyaev N. A. Self-knowledge / N. Berdyaev. Moscow: DEM. 1990.
5. Berdyaev N. Feeling Italy / N. Berdyaev // Exchange news. 2 July. 1915.
6. Blok A. Notebooks / A. Blok. Moscow. 1965.
7. Blok A. Compositions: in 2 vol. / A. Blok. Moscow. 1955.
8. M. Voloshin Collected Edition. T. 2 / M. Voloshin. Moscow: Ellis Lak. 2004.
9. Gertsyk E. Memories / E. Gertsyk. Moscow. 1996.
10. Zaitsev B. Works: in 11 vol. V.3. / B. Zaitsev. Moscow. 1999.
11. Zaitsev B. Muratov P. P. «Images of Italy» / B. Zaitsev // Modern notes. 1924. Vol. XXI.
12. Ivanov V. Poems, poems and tragedies: in 2 books. / V. Ivanov. St. Petersburg. 1995.

13. Malato E. «Dante does not allow to kill himself, he gets to heaven ...» / E. Malato. Literary Gazette. № 6509. May 20-25 2015.
14. Muratov P. Zaitsev. Italy / P. Muratov // Modern notes. 1923. Т. XV.
15. Muratov P. P. Images of Italy / P. P. Muratov. Moscow. 1994.
16. Pushkin A. S. Collected Edition: in 8 vol. Moscow. 1969.
17. Tolmachev V. M. Image of beauty / V. M. Tolmachev // Muratov P. P. Images of Italy. Moscow. 1994.
18. Cherny S. From Florence / Sasha Cherny // Cherny S. Poems. Leningrad. 1960.

